

Алексей Безугольный
(Москва)

КАВКАЗСКИЕ СТРЕЛКОВЫЕ СОЕДИНЕНИЯ В БОЯХ ЗА КРЫМ (декабрь 1941 — май 1942 гг.)

В статье анализируются проблемы использования в операциях советских войск в Крыму в конце 1941 — начале 1942 гг. стрелковых соединений укомплектованных в основном представителями закавказских народов — армянами, азербайджанцами, грузинами. Эти соединения были сформированы в Закавказском военном округе в первые месяцы войны. Особенности контингентов военнообязанных, которыми комплектовались закавказские дивизии (необученность военному делу, плохое знание русского языка, низкий образовательный ценз), наряду с другими факторами, негативно сказались на ходе и исходе боев по освобождению Крыма.

Ключевые слова: Советские войска, Крым, закавказские народы, Закавказский военный округ, Крымский фронт.

В одной из самых драматичных стратегических операций Великой Отечественной войны — Керченско-Феодосийской (25 декабря 1941 г. — 2 января 1942 г.) — и последовавших за ней кровопролитных наступательных боях советских войск, пытавшихся освободить Крымский полуостров, окончившихся разгромом в мае 1942 г. Крымского фронта на Керченском полуострове и гибелью и пленением сотен тысяч советских бойцов и командиров, важное участие выпало принять частям и соединениям, сформированным в 1941 г. в Закавказье и укомплектованным представителями закавказских народов — армянами, азербайджанцами, грузинами. В данной статье показано, как объективные культурно-языковые особенности военнослужащих сказались на уровне боеспособности сформированных в Закавказье соединений и, в конечном итоге — на исходе боевых действий в Крыму.

С первых дней войны коренные жители Кавказа стали поступать на укомплектование частей и учреждений Красной армии. В Закавказском округе преобладали национальные ресурсы — представители трех закавказских наций. Именно они составляли основу формирующихся соединений и маршевых рот. После мобилизационного развертывания кадро-

вых соединений, отправившихся в первые недели войны на фронт, Закавказский округ (в конце августа 1941 г. преобразован в Закавказский фронт, с конца декабря 1941 г. — снова в Закавказский округ), как и другие военные округа, приступил к формированию новых соединений (директивы НКО № Орг/2/539001 — Орг/2/539013 от 11 августа 1941 г.) Генеральным штабом был установлен следующий график передачи готовых дивизий действующей армии: 402-я и 408-я — к 15 сентября, 398, 400, 404, 406-я — к 15 октября, 409, 390, 392, 394, 396-я — к 15 ноября, 386-я и 388-я дивизии — к 15 декабря 1941 г. Именно здесь была использована основная масса уроженцев Закавказья, поступивших в армию по мобилизации. Помимо этого, отдельными директивами в 1941 г. были сформированы еще несколько дивизий: 61, 89, 151, 223-я и 224-я. Они развертывались на частично кадровой основе.

Комплектование новых дивизий личным составом велось на общих основаниях, вследствие чего контингенты основных национальностей (русские, украинцы, армяне, грузины, азербайджанцы) относительно равномерно распределялись по соединениям. Этот порядок был предписан специальным постановлением Военного совета округа от 15 августа и соответствовал довоенному экстерриториальному принципу укомплектования войск¹.

Если организационное оформление новых соединений и их материальное обеспечение шли относительно быстро, то сколачивание подразделений, боевая подготовка и воспитательная работа наталкивались на серьезные проблемы, к решению которых округ оказался не готов. Среди них главной стала особенность людских ресурсов, сказавшаяся впоследствии и в ходе боевых действий.

Мобилизованный контингент в большинстве своем оказался необученным военному делу. Так, в 390-й стрелковой дивизии из 10252 военнослужащих 8979 чел. никогда не держали в руках оружия, в 392-й — из 10447 рядовых таковых было 9194 чел. и т. д. Огромная масса красноармейцев не знала русского языка. В той же 392-й дивизии 4204 чел. не говорили по-русски, а 2415 чел. говорили слабо. В некоторых соединениях ситуация была еще хуже². Кроме того, рядовой состав был возрастным и не полностью соответствовал требованиям строевой службы. Имелся острейший дефицит младших командиров, которых было меньше половины потребного количества даже после сокращения осенью 1941 г. их штатной численности на треть (с 2323 до 1596 чел. на стрелковую дивизию). Значительная доля командного и политического состава была призвана из запаса и имела низкую квалификацию³.

Перед Военным советом Закавказским округом встала нелегкая задача. Как отмечалось в одном из его постановлений, «округ не учитывал

особенностей местных условий мобилизации по национальному... признаку»⁴.

Обучение и воспитательная работа на русском языке без скидок на национальный состав подразделений, даже спустя два-три месяца после их формирования, имели исключительно низкую эффективность. Ведение занятий в единых группах оказалось громоздким и методически сложным мероприятием. В 390-й стрелковой дивизии большинство рядового состава являлись крестьянами армянской и азербайджанской национальности, а младшие командиры и политруки были русскими и грузинами⁵. В 388-й стрелковой дивизии проверяющие Политуправления наблюдали, как групповод-армянин по слогам читал русский текст, пытаясь донести его содержание до слушателей, большинство из которых русским языком не владели вообще: «Сам не понимает и бойцам ничего не дает»⁶. В подразделениях национальности командиров и политработников нередко не совпадали с национальностью личного состава. В той же 388-й дивизии некоторым политработникам приходилось проявлять чудеса языкознания, чтобы переводить, например, с армянского на грузинский материал, прочитанный на русском языке⁷.

Надо отметить, что и другие фронты и округа, в большом числе получавшие пополнение из национальных регионов Советского Союза, оказались в схожем положении. И везде политработникам и командирам приходилось действовать по собственному усмотрению⁸, поскольку Главное Политуправление Красной армии (ГлавПУРККА) в то время не признавало наличие национальной и языковой проблем в войсках: первая директива на эту тему появилась только в сентябре 1942 г. А в 1941 г. не было издано ни одного распоряжения ГлавПУра, регламентировавшего учебно-воспитательный процесс в частях с преимущественно нерусским личным составом.

В середине сентября 1941 г. Действующая армия должна была принять от Закавказского фронта дивизии первой очереди (402-ю и 408-ю). Пришло время подводить предварительные итоги организационной работы фронта. Проведенные в связи с этим совещания военных комиссаров частей и соединений выявили неэффективность обезличенного, механистического подхода к комплектованию формируемых соединений личным составом. Констатировался эклектизм и сумбур в ведении политзанятий и боевой подготовке. Проблема русского языка немалому числу командиров и политработников казалась безвыходным тупиком и порождала среди некоторых из них равнодушие, формальное отношение к работе, дистанцированность от личного состава, «попутничество»⁹. Среди некоторых командиров распространялось мнение о том, что «закавказские народы плохие вояки»¹⁰. Инертность и безынициативность команд-

ных и политических кадров дивизионного звена и ниже были во многом остаточным явлением довоенных, мирных настроений, убеждением в том, что идет какой-то, ни к чему не обязывающий «организационный» период, а настоящая, боевая работа еще впереди¹¹.

В тоже время, на совещаниях прозвучал ряд примеров того, как проблема русского языка более или менее успешно решалась благодаря инициативе и энергичности некоторых руководителей, находивших собственные оригинальные решения. Так, в 34-м запасном артиллерийском полку ежедневно в форме обыгрыша изучалось 10–15 русских слов. Через полтора месяца красноармейцы сносно понимали военные термины и команды. В 106-м запасном стрелковом полку, где бойцы-азербайджанцы не знали даже родной грамоты, было создано 160 учебных групп, которые ежедневно по два часа изучали русский язык. В 25-м запасном отдельном батальоне связи на должность преподавателя русского языка был приглашен университетский профессор¹².

Замечания и рекомендации военных и политических руководителей фронта и Закавказья, данные на совещаниях военных комиссаров, были положены в основу постановления Военного совета фронта № 42 от 20 сентября 1941 г. Для оздоровления ситуации намечено было заменить старшие возраста свыше 40 лет (удельный вес которых в некоторых частях достигал 40%) более молодыми и подготовленными, наладить в частях бесперебойное изучение русского языка, мобилизовать из Закавказья 1000 двуязычных политработников на должности замполитруков рот, просить наркома обороны нарядить недостающий комсостав из других округов.

В эти же дни начальником политуправления фронта Соломко была утверждена 100-часовая программа изучения русского языка, рассчитанная на 2 месяца. Целью программы было научить бойцов нерусских национальностей «свободно выражать свою мысль на русском языке, понимать приказы»¹³. Упор в обучении должен был делаться на военную и политическую терминологию, отсюда — подбор учебных пособий (уставы, сводки Информбюро, передовицы фронтовых газет) и методики (предельная наглядность, обучение русскому языку в поле)¹⁴.

К дивизиям были персонально прикреплены заместители председателей СНК, секретари ЦК нацкомпартий, ЦК ЛКСМ республик¹⁵.

Принятые в сентябре и октябре 1941 г. документы были призваны наполнить конкретным содержанием первоначальный замысел интернационального «плавильного котла», на выходе из которого ожидалось полноценные русифицированные соединения многонационального состава.

Русификаторскому курсу способствовала отправка в Закавказье много-тысячного пополнения военнообязанных, в основном украинцев, эвакуи-

рованных из Одесского военного округа¹⁶. К ноябрю 1941 г. удельный вес славян в соединениях был доведен в среднем до 30,6% (русские — 12,7%, украинцы — 22,9%)¹⁷. В некоторых дивизиях удельный вес славян достиг 50% и выше (400, 404, 406-я стрелковые дивизии). В других, напротив, их численность едва превышала 20% (386, 409-я дивизии)¹⁸. Следует отметить, что русские и украинцы использовались, прежде всего, для укомплектования специальных и технических подразделений, где для освоения сложных военных специальностей требовались достаточно высокий образовательный уровень и хорошее понимание русского языка. Стрелковые части по-прежнему комплектовались преимущественно представителями кавказских народов.

Однако замена части личного состава славянами не решила по существу национальной проблемы, для чего требовалась организация долгой, кропотливой, всесторонней и, к тому же, весьма специфичной учебно-воспитательной и пропагандистской работы с личным составом нерусских национальностей. Налаживание ее проходило низкими темпами и фактически не закончилось до самой отправки дивизий на фронт в конце 1941 г.

Объективно реализация принципиальной установки на русификацию дивизий Закавказья ограничивалась дефицитом времени, кадровых и материальных ресурсов. Лишь в некоторых соединениях удалось наладить систематическое изучение русского языка. Главной причиной задержки был недостаток педагогических кадров и учебных пособий по русскому языку. Помощь учебниками, методикой, педагогическими кадрами, художественной и пропагандистской литературой и периодикой могли оказать только гражданские власти. Но воплощение в жизнь обширных программ, принятых в октябре, требовало немало времени и к концу октября 1941 г., согласно донесению начальника политуправления фронта Соломко начальнику ГлавПУ Л.З. Мехлису, еще не начиналось, находилось в стадии «постановки»¹⁹.

Сам руководящий аппарат не проявил должной оперативности и решительности в работе, традиционно ожидая указаний сверху. Мероприятия по развертыванию издания информационно-пропагандистской периодики и учебных пособий для бойцов-националов более месяца после постановления Военного совета фронта от 20 сентября ждали утверждения Москвы²⁰. Введенные в штатное расписание рот вторые политруки из числа коренных национальностей, призванные с партийных должностей в Закавказье, из-за отсутствия у них военной квалификации зачастую оставались без работы.

Все это не могло не отразиться на важнейших показателях — уровне боевой подготовки личного состава и боеспособности новых формиро-

ваний в целом. Во второй половине ноября 1941 г. они были оценены комиссиями 44, 45, 46-й и 47-й армий, которые принимали сформированные соединения в свой состав. В это время выделенный из состава войск Закавказского фронта, Кавказский фронт готовился принять участие в зимней наступательной кампании советских войск. В ходе намеченной на конец декабря 1941 г. Керченско-Феодосийской десантной операции, часть войск Кавказского фронта (44-я и 47-я армии) должны были высадиться на берегу Крыма с моря и очистить его от врага. Молодым кавказским соединениям предстояло исключительно трудное боевое крещение. Обширные итоговые документы работы армейских комиссий — акты приема стрелковых соединений в состав действующей армии — полно описывают их количественные и качественные параметры.

Уровень всех видов боевой подготовки (огневая, тактическая, строевая) подавляющего большинства дивизий был признан неудовлетворительным. Особенно подчеркивалась низкая квалификация командного состава, прибывшего, главным образом, из запаса. Такие сложные механизмы управления, как штабы работали медленно, разрозненно и не были способны обеспечить постоянное и оперативное руководство боем. Низкие оценки получили специалисты — артиллеристы, связисты, саперы, разведчики, — чья подготовка задерживалась нехваткой положенного вооружения и оборудования.

Не был выполнен важнейший пункт постановления Военного совета фронта от 20 сентября 1941 г. о доукомплектовании дивизий младшим командным составом — важнейшим звеном управления непосредственно на поле боя. На конец октября 1941 г. укомплектованность соединений младшими командирами составляла менее 50%²¹. В конце ноября армейские комиссии также не выявили существенного улучшения в этой сфере²². Следует добавить, что до 90% младших командиров были призваны из запаса, а недостаток их покрывался за счет выдвижения красноармейцев, знавших русский язык и имевших командирские задатки. В обоих случаях квалификация младших командиров была невысока.

Имелась серьезная диспропорция между национальностью младших командиров и национальностями рядовых бойцов, превалировавших в соединениях. Если на одного русского младшего командира приходилось в среднем 4,4 русских бойца, то на одного командира-армянина — 11,9 бойцов-армян, грузина — 16,6 бойцов-грузин и азербайджанца — 26,8 бойцов-азербайджанцев²³. Например, в 409-й дивизии на 3683 красноармейцев азербайджанской национальности было лишь 50 младших командиров азербайджанцев, в 396-й дивизии 3713 на 66 чел. и т.д.

Понятно, что на должности командиров взводов и отделений, кавказских по составу, назначались, как правило, русские командиры, а это не могло не сказываться на качестве подготовки одиночного бойца и важнейших тактических единиц — стрелковых взводов и отделений.

Недостаток взаимопонимания между бойцами и командирами отрицательно сказался на качестве боевой подготовки и стал одной из главных причин широкого распространения грубого администрирования вместо кропотливой воспитательной работы. Специальное распоряжение Военного совета от 17 ноября 1941 г. констатировало процветание в частях «унтер-пришибеевщины», «барско-пренебрежительного» отношения к нуждам бойцов и предписывало вести с такими настроениями «беспощадную борьбу»²⁴.

На фоне низкой обучаемости бойцов-националов ширилось другое явление, трактовавшееся политорганами как проявление великорусских и шовинистических настроений. Особенно часто в источниках они упоминаются осенью и зимой 1941 г. Проявления национализма в этот период были зафиксированы в 20-й, 63-й горно-стрелковых, 386-й, 404-й стрелковых, 1-й, 23-й кавалерийских дивизиях и других соединениях Закавказского округа (фронта). Следует отметить, что эти настроения были распространены, прежде всего, среди командного состава и «даже у некоторых товарищей из политического состава»²⁵. Не сумев должным образом организовать процесс боевой и политической подготовки (часто не имея к этому объективных условий), они подчас были готовы заменить «как небоеспособных» до 50 % красноармейцев своих частей²⁶. В 404-й стрелковой дивизии велось «много разговоров» о том, что «с таким составом, как наши запасники — армяне, азербайджанцы, грузины — воевать будет трудно»²⁷. В таких высказываниях отчетливо видна корреляция: отстающий — потому что не знает русского языка, а отсюда ярлык неполноценности распространялся на его национальность²⁸. Например, в 386-й дивизии в число отстающих попали бойцы, в мирное время являвшие собой образец советского человека, например: парторг одной из рот Исмаилов, до призыва несколько лет проработавший председателем передового колхоза, боец Ф. Кварацхелия — член ВКП(б), колхозный бригадир-стахановец, участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Оба они «не владеют русским языком и никто ими не занимается»²⁹.

В таком состоянии кавказские дивизии находились к началу крымской наступательной кампании декабря 1941 — мая 1942 гг., имевшей целью деблокаду Севастополя и освобождение Крымского полуострова от немецко-фашистских захватчиков. Эта операция вписана в историю Великой Отечественной войны как одна из самых трагических ее страниц.

Грубые ошибки советского руководства в оценке стратегической обстановки на советско-германском фронте в тот период и «головокружение» от успехов зимы 1941–1942 гг.³⁰ обернулись гибелью и пленением огромного числа советских воинов.

Советское Верховное Главнокомандование придавало операции в Крыму большое значение. Поэтому среди других подготовительных мероприятий в ноябре и декабре 1941 г. шел жесткий отбор всего личного состава дивизий, предназначенных для высадки на полуострове³¹. Предпочтение отдавалось кадровым военнослужащим славянских национальностей, обученным и проверенным в политическом отношении. Северо-Кавказский и Закавказский округа передали вновь созданному Кавказскому (вскоре переименованного в Крымский) фронту все людские ресурсы, удовлетворявшие этим требованиям³². Однако их оказалось недостаточно. Бойцы-кавказцы составили солидную прослойку в частях, высадившихся в Крыму. 63, 77, 138-я горнострелковые, 224, 227, 386, 388, 390, 396, 398, 400, 404-я стрелковые дивизии Крымского фронта были сформированы в Закавказье. В феврале 1942 г. в составе Крымского фронта сражались около 48 тыс. воинов-представителей закавказских национальностей (35% от всего личного состава фронта)³³. Из Закавказья получали пополнение и защитники Севастополя. Следует отметить, что в дивизиях, поступавших из Северо-Кавказского военного округа имелись представители северокавказских народов (271, 276, 320-я стрелковые дивизии). В 156-й стрелковой дивизии количество представителей народностей Дагестана доходило до половины личного состава, а 345-й дивизии в аналогичных пропорциях были представлены осетины³⁴. Таким образом, операция по освобождению Крыма, начатая в декабре 1941 г. и оконченная в мае 1942 г., представляла собой первый опыт массового использования в операциях Красной Армии военнослужащих неславянских национальностей.

Известный советский писатель П. Павленко, побывавший на Крымском фронте, описывая бой, в котором участвовали бойцы разных кавказских национальностей, безапелляционно утверждал, что им не требуется вербального общения, ведь «у них есть речь, речь без слов, речь общей цели». И наоборот — Павленко свидетельствует, как один грузин бросает гранату в другого, поднявшего руки навстречу врагу — «с ним нет общей речи, хотя бы он был и трижды грузином»³⁵. Однако, реальное положение дел было значительно более сложным.

Крымская операция велась в тяжелейших природных и погодных условиях и при дефицитном материальном снабжении. Тыловые службы Крымского фронта оставались на Таманском полуострове; подвоз продовольствия и боеприпасов осуществлялся через Керченский пролив под

постоянными бомбежками немецкой авиации. В отдельные периоды снабжение боевых частей было настолько плохим, что имелись случаи дистрофии и даже гибели от недоедания личного состава³⁶. Слабо подготовленные части из Закавказья легко дезорганизовывались, под воздействием ударов врага и несли чрезмерно высокие потери. Сравнительную характеристику закавказских и славянских частей дал командарм-51 генерал-лейтенант В. Львов: «Наблюдая сегодняшний бой батальона 803-го [стрелкового] полка [77-й азербайджанской горнострелковой дивизии], еще раз убедился, что наступательная сила частей, укомплектованных закавказским контингентом, весьма незначительна... Обратное явление наблюдал в бою батальона 12-й [стрелковой] бригады. Этот батальон, несмотря на большие потери, наступал отлично, держа быстрые темпы, и задачу выполнил»³⁷. 12-я стрелковая бригада была укомплектована преимущественно славянами.

Лично проверив состояние вновь прибывшей из Закавказья 396-й стрелковой дивизии, командарм 51-й доносил командующему фронтом: «С такими штабами выполнить боевую задачу нельзя. Это случайные люди, абсолютно неподготовленные и нуждающиеся в замене... Полки дивизии не сколочены, не обучены, не обмундированы, завшивели»³⁸. Однако, вышестоящие штабы, не имея возможности заменить небоеспособное соединение на передовой, оказывались в тупиковой ситуации. В случае с 396-й дивизией начальник штаба фронта генерал-майор Ф. Толбухин отделался отговоркой: дивизия аж с 25 сентября 1941 г. занималась боевой подготовкой и организовывать ее заново нет нужды³⁹.

Тон в оценке формирований с Кавказа задавал начальник Главного Политуправления Л. Мехлис, прибывший 21 января 1942 г. на Крымский фронт как представитель Ставки Верховного Главнокомандующего и фактически подмявший под себя фронтовое руководство. Мехлис называл национальные соединения «трудными», просил Ставку заменить личный состав кавказских национальностей славянским и т.д. Как политработник, он должен был стать проводником интернациональной идеологии, но вынужден был поступиться ей перед лицом конкретных боевых задач, за выполнение которых отвечал лично. «Здесь пополнение прибывает исключительно закавказских национальностей», — докладывал Мехлис Сталину, — Такой смешанный национальный состав дивизий создает огромные трудности»⁴⁰. Настаивая на необходимости заменить «кавказцев» пополнением «именно русским и обученным», Мехлис пользовался всеми рычагами воздействия — благосклонностью Сталина, приятельскими отношениями с членом ГКО Г. Маленковым, настойчивыми просьбами к начальнику Главного управления формирований и укомплектования войск НКО Е. Щаденко и категорическими требованиями к

командующим СКВО В.Н. Курдюмову и Закавказьем И. Тюленеву⁴¹. Поскольку обеспечить фронт полностью славянским пополнением не представлялось возможным, то Мехлис добился распоряжения Ставки заменить всех кавказцев на русских в таких ключевых подразделениях стрелковых полков, как автоматные, разведывательные минометные, истребительно-противотанковые и заградительные роты и взводы⁴². Из кавказцев подходящими считались только лица, владевшие русским языком и, прежде всего, коммунисты и комсомольцы. Сугубо прагматические интересы успешного ведения наступления войсками Крымфронта оборачивались игнорированием национальных особенностей бойцов. В ответ на большие потери в боях и рост чрезвычайных происшествий национальные соединения объявлялись «неустойчивыми»⁴³.

Мнения, подобные тем, что высказывал Мехлис, были весьма распространены среди командного состава⁴⁴. Очевидный намек на это содержится в требовании замкомфронта Толбухина командующему Приморской армией И. Петрову. Констатируя распространение в частях армии дезертирства и переходов на сторону врага, Толбухин настаивал: «Сколько и какой национальности» (курсив — *Авт.*) выявлено преступников⁴⁵.

Жалобы Мехлиса долгое время воспринимались в Ставке благосклонно. Только когда в начале мая 1942 г. положение войск Крымского фронта стало резко ухудшаться, критиканская, но пассивная позиция Мехлиса была охарактеризована Сталиным как «насквозь гнилая», а его претензии к командованию фронтом необоснованными. Но к тому моменту ситуация в Крыму стала безнадежной. Потери войск фронта в период майских боев составили 176 тыс. чел., свыше 3,5 тыс. орудий, 347 танков, а общие безвозвратные потери за все 111 дней существования Крымского фронта составили около 450 тыс. чел.⁴⁶ Подавляющее число закавказских дивизий (224, 227, 396, 398, 400, 404-я) были полностью разгромлены, прекратили свое существование и более не переформировывались. Дивизии, полученные Крымфронтом из СКВО, были отведены на территорию округа и переформированы, практически полностью обновив свой состав.

Дивизии, сформированные в Закавказье, участвовали также в героической обороне Севастополя в составе Отдельной Приморской армии. В составе 388-й и 386-й стрелковых дивизий было 5676 и 6284 военнослужащих-грузина соотв.⁴⁷ На 20 марта 1942 г. из 65 тыс. защитников Севастополя 5,2 тыс. (8% от всего личного состава Приморской армии) были грузинами, 4,3 тыс. (6,6%) азербайджанцами и 3,6 тыс. (5,5%) армянами⁴⁸. На фоне легендарных соединений Приморской армии, таких как 95-я Чапаевская стрелковая дивизия, 25-я стрелковая дивизия, 79-я особая бригада морской пехоты, эти соединения отличались неопыт-

ностью личного состава, не слаженностью штабов, неустойчивостью к ударам противника, хотя в отличие от первых были лучше вооружены и более многочисленны. Они неоднократно становились объектом критики командарма генерал-майора И. Петрова⁴⁹. 386-я и 388-я стрелковые дивизии выделялись «в худшую сторону» считались «мало боеспособными», в связи с чем они несколько раз «энергично очищались» от «антисоветских» и «неустойчивых» элементов⁵⁰. Много нареканий вызывала профессиональная подготовка как командного, так и рядового состава.

В то же время некоторые соединения с преимущественно кавказским составом отличились в боях и положительно характеризовались командованием. На совещании Военного совета Крымского фронта с командирами и военкомами соединений 51-й армии 17 апреля 1942 г. предметом обсуждения стала прошедшая наступательная операция войск армии. 77-я стрелковая дивизия участвовала в феврале и марте в разгроме 18-й румынской дивизии, а выбила немецкие части из нескольких населенных пунктов. В ходе боев дивизией были захвачены большие трофеи. На совещании 77-я стрелковая дивизия была удостоена похвалы командарма — 51-й генерал-лейтенанта Львова, который прежде подверг ее резкой критике (см. выше). Мехлис также выразил удовлетворение ее состоянием⁵¹. 77-я и 398-я стрелковые дивизии хорошо взаимодействовали с танками. 390-я стрелковая дивизия, также сформированная в Закавказье, была введена в бой в середине января 1942 г. во время контрнаступления немцев и румын. Заняв оборонительный рубеж, дивизия прочно удерживала его вплоть до общего отхода советских войск на ак-монайские позиции. В марте 1942 г. дивизия участвовала в отражении атак 22-й немецкой танковой дивизии. В докладе штаба фронта, подготовленном незадолго до майской катастрофы, была представлена суммарная оценка боеспособности каждого из соединений фронта за март и апрель 1942 г., и многие соединения с Кавказа охарактеризованы положительно. В тяжелейших условиях наступления хорошо себя проявили 77, 390, 398-я стрелковые дивизии, укомплектованные преимущественно армянами и азербайджанцами⁵². Доклад был составлен специалистами оперативного отдела штаба фронта на основе беспристрастного анализа хода боевых действий.

Таким образом, налицо резкое расхождение между объективной оценкой боевых качеств, по крайней мере, некоторых кавказских дивизий и господствовавшим штампом об их недостаточной по сравнению со славянскими соединениями боеспособностью. В критические моменты последний всегда превалировал. Сами политработники признавали факты огульно негативного отношения ко всем кавказцам: «Проявления отдель-

ными бойцами всевозможных [отрицательных] настроений приписывалось безразлично всем бойцам нерусских национальностей»⁵³. Так или иначе, бойцы закавказских национальностей, защищавшие общую советскую родину и обильно полившие крымскую землю своей кровью, заслужили памяти о них потомков, независимо от их нынешней государственной принадлежности.

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). — Ф. 209, оп. 1085, д. 1, л. 185.

² Там же. — Оп. 1091, д. 145, лл. 31, 73, 115, 124, 189, 320–329.

³ Там же. — Оп. 1113, д. 8, лл. 119–130; Оп. 1091, д. 145, лл. 31–375.

⁴ Там же. — Оп. 1085, д. 1, л. 218.

⁵ Там же. — Оп. 1113, д. 96, л. 342.

⁶ Там же. — Ф. 209, оп. 1091, д. 145, л. 189.

⁷ Там же.

⁸ В.А. Мурадян приводит пример 40-й армии Юго-Западного фронта (См.: Мурадян В.А. Братство, скрепленное кровью. — М., 1969. — С. 39–41).

⁹ ЦАМО. — Ф. 209, оп. 1113, д. 96, л. 19.

¹⁰ Там же. — Д. 95, л. 30.

¹¹ Там же. — Л. 34.

¹² Там же. — Л. 324.

¹³ Там же. — Ф. 216, оп. 1166, д. 7, лл. 137–142.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Мамукелашвили Э. Военно-организаторская и идеологическая деятельность КПСС в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). — Тбилиси, 1982; Краснознаменный Закавказский; Мадатов Г.А. Азербайджан в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1975; Цкитишвили К.В. Закавказье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Тбилиси, 1969; Мурадян В.А. Указ. соч. — М., 1969 и др. работы.

¹⁶ Первоначально планировалось направить с Украины в ЗакВО 51 тыс. чел., однако из-за неблагоприятного развития боевой обстановки эвакуация была проведена не в полном объеме.

¹⁷ Подсчитано автором на материалах девяти стрелковых дивизий: 386, 390, 392, 396, 398, 400, 404, 406-й и 409-й (ЦАМО. — Ф. 209, оп. 1091, д. 145, лл. 31, 73, 115, 124, 189, 320–329, 331, 375; Там же. — Оп. 1113, д. 89, л. 113; Там же. — Д. 44, л. 10).

¹⁸ Подсчитано автором на материалах 61, 151-й и 224-й дивизий (ЦАМО. — Ф. 209, оп. 1113, д. 11, лл. 4, 38, 39).

¹⁹ ЦАМО. — Ф. 209, оп. 1113, д. 8, л. 129.

²⁰ Там же. — Л. 130.

²¹ Там же. — Л. 124.

²² Там же.

²³ Подсчитано автором на материалах 390, 396, 398, 400, 406-й и 409-й стрелковых дивизий.

²⁴ ЦАМО. — Ф. 209, оп. 1113, д. 93, лл. 29–35.

²⁵ Там же. — Д. 89, л. 114.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. — Л. 151.

²⁹ Там же. — Л. 151–152.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Безугольный А. Ю.* Ни войны, ни мира: Положение на советско-турецкой границе и меры советского руководства по предотвращению турецкой угрозы в первый период Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив — 2003. — № 5. — С. 53–76.

³¹ ЦАМО. — Ф. 209, оп. 1113, д. 44, л. 54.

³² Там же. — Ф. 215, оп. 1185, д. 18, л. 68.

³³ Подсчитано по: там же. — Ф. 215, оп. 1185, д. 18, л. 8.

³⁴ Там же. — Д. 25, л. 18.

³⁵ Коммунист. 14 мая 1942 г. № 112.

³⁶ ЦАМО. — Ф. 215, оп. 1185, д. 44, лл. 528–530.

³⁷ Там же. — Д. 18, л. 201.

³⁸ Там же. — Д. 25, л. 42.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Цит. по: *Рубцов Ю.В.* Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л.З. Мехлиса. — М., 1999. — С. 205.

⁴¹ См.: *Рубцов Ю.В.* Указ. соч. — М., 1999. — С. 205, 207; Русский архив. Т. 16 (5–2). Док. № 112. — С. 102; ЦАМО. — Ф. 215, оп. 1185, д. 18, л. 3.

⁴² ЦАМО. — Ф. 215, оп. 1199, д. 9, лл. 4–6.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 17, оп. 125, д. 85, лл. 60, 64–66.

⁴⁵ ЦАМО. — Ф. 215, оп. 1185, д. 7, л. 37.

⁴⁶ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. — М., 1998. — С. 332.

⁴⁷ *Бабалашвили И. П.* Грузинская ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Тбилиси, 1977. — С. 153.

⁴⁸ Там же. — С. 154.

⁴⁹ ЦАМО. — Ф. 215, оп. 1185, д. 7, лл. 81–86, 94–96, 107. См. так же: *Карпов В.В.* Полководец. — М., 1985. — С. 134–135.

⁵⁰ ЦАМО. — Ф. 215, оп. 1185, д. 7, лл. 86, 92.

⁵¹ Там же. — Д. 72, лл. 16–19.

⁵² Там же. — Д. 151, лл. 16–25.

⁵³ Там же. — Ф. 288, оп. 9905, д. 19, л. 53.

У статті аналізуються проблеми використання в операціях радянських військ в Криму кінця 1941 — початку 1942 рр. стрілецьких з'єднань, здебільшого укомплектованих представниками кавказьких народів — вірменами, азербайджанцями, грузинами. Ці об'єднання було сформовано в Закавказькому воєнному окрузі у перші місяці війни. Особливості контингентів військовозобов'язаних, з яких укомплектовувалися закавказькі дивізії (не навченість військовій справі, погане знання російської мови, низький освітній ценз), поряд з іншими факторами, негативно позначилися на розвитку та наслідках боїв за визволення Криму.

Ключові слова: Радянські війська, Крим, закавказькі народи, Закавказький воєнний округ, Кримський фронт.

The article analyses the problem of use of the rifle formations staffed mainly with representatives of the Transcaucasian ethnic groups — Armenians, Azerbaijanians, Georgians — in the Soviet Army operations in the end of 1941 — beginning of 1942. These formations were organized in the Transcaucasian Military District during the first months of the war. Special features of the contingents of enlisted persons that were used to form the Transcaucasian divisions (greenness of the troops, poor Russian language, low literacy) together with other factors affected adversely the course and outcome of the battle of Crimea.

Keywords: the Soviet Army, Crimea, Transcaucasian ethnic groups, the Transcaucasian Military District, the Crimea.